

На правах рукописи

Дятлова Анастасия Константиновна

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре «История России, краеведение и методика преподавания истории» Историко-филологического факультета ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»

Научный руководитель: **Кондрашин Виктор Викторович**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Белгородская Людмила Вениаминовна**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Смирнов Сергей Викторович
кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук»

Защита состоится «08» июня 2015 г. в 13.30 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16, каб. 1101).

Электронный вариант диссертации и автореферата диссертации размещен на официальном сайте Института: <http://www.ihist.uran.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Центры по изучению российской истории в США возникли в первой половине XX в. Традиционно к ним относятся Колумбийский, Гарвардский, Чикагский, Калифорнийский, Вашингтонский и Гавайский университеты. По мере улучшения отношений между СССР и США количество исследований по истории России на Западе стало увеличиваться. Этому способствовало подписанное в 1958 г. соглашение о создании Межуниверситетского комитета, в рамках работы которого американские и советские ученые получили возможность проводить совместные исследования и работать в архивах. Способствовал изучению истории России в США основанный в 1974 г. Институт изучения российской истории и культуры, названный в честь одного из первых американских специалистов по истории Сибири и Дальнему Востоку Дж. Кеннана. В 1980-е гг. интерес к истории Сибири и Дальнего Востока не спадает, появляются исследования, посвященные проблемам регионального развития. Однако в 1990-е гг. наблюдается уменьшение количества работ. Как отмечает профессор Мичиганского университета В. Шляпентох, «...как только Россия перестала быть страной, угрожающей США, интерес к ней и ее истории резко снизился»¹.

Между тем, с 1990-х гг. начинается новый этап англо-американской историографии российской истории, который характеризуется следующими моментами. Во-первых, практически исчезает влияние так называемой теории тоталитаризма, автором которой считался М. Фейнсол². Суть ее, по выражению профессора Мичиганского университета Д. Бурбанка, заключалась в том, что за каждым научным аргументом скрывалась мораль насчет СССР³. Во-вторых, возрастает интерес к истории дореволюционной России. В-третьих, Россия перестает противопоставляться Западу и начинает рассматриваться как его часть.

В центре внимания диссертационного исследования оказываются работы современных англо-американских историков, посвященные изучению темы внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. Исследования ученых из Великобритании, США и Канады представляют особый интерес. Он обусловлен определенным соперничеством стран этого блока и России в сфере политики, геополитики и науки. Основатель геополитики Х. Маккиндер объяснял его противостоянием теллуократии и талассократии как противоположных гносеологических и онтологических концептов⁴. Источниковая база настоящего ис-

¹ Цит. по: Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб., 2003.

² Fainsod M. How Russia is Ruled. Harvard, 1953.

³ Бурбанк Д. Новые течения в американской историографии о России: власть и культура // Исторический ежегодник. Омск, 1996 (1997). С. 62–64.

⁴ Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 2004. Vol. 23. № 4. P. 421–437.

следования позволяет на основе проведенного анализа создать целостное представление о степени изученности темы внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии.

Объектом исследования является комплекс работ современных англо-американских исследователей, посвященный теме внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв.

Предметом исследования выступают концепции и оценки современных англо-американских исследователей по вопросам внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XX–XX вв.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить изучение дальневосточного направления внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв. на современном этапе в англо-американской историографии и охарактеризовать опыт, накопленный исследователями. Для достижения поставленной цели нами было определено несколько задач:

- выявить и изучить концепции развития внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии;
- на основе анализа современных англо-американских исследований определить ключевые политические фигуры в Российской империи указанного периода, определяющие ход и развитие дипломатии на Дальнем Востоке;
- объяснить трактовку современными англо-американскими исследователями японо-китайской войны 1894–1895 гг. как поворотного момента во внешней политике России на рубеже XIX–XX вв.;
- раскрыть характер строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и Китайской Восточной железной дороги в свете современной англо-американской историографии;
- проанализировать внешнеполитический аспект русско-японской войны 1904–1905 гг. (ее причины, ход, итоги, последствия) с точки зрения современных англо-американских исследователей.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 г. по настоящее время. Выбор таких хронологических рамок объясняется тем, что после распада СССР западные ученые, во-первых, получили доступ к российским архивам, а, во-вторых, стали в меньшей степени испытывать давление, вызванное противостоянием между СССР и Западом.

Географические рамки исследования определяются выбором в качестве объекта исследования работ современных историков из Великобритании, США и Канады.

Методология исследования. Рассматривая работы современных англо-американских исследователей по внешней политике России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в., автор диссертации стремился руководствоваться главными принципами историографического исследования¹.

Принцип историзма позволил изучить взгляды различных ученых на цели, задачи, характер и итоги внешней политике России в указанном регионе в их развитии. Изучение различных сторон и аспектов многочисленных исторических исследований по указанной теме определил принцип историко-системного изучения. Применяя принцип целостности, удалось систематизировать воззрения современных англо-американских ученых на такие ключевые проблемы российской дальневосточной внешней политики как идеология внешней политики России, японо-китайская война 1894–1895 гг. и ее последствия для российской дипломатии, строительство Транссибирской железной дороги и КВЖД, аренда Ляодунского полуострова, боксерское восстание и оккупации Манчжурии, русско-японская война 1904–1905 гг.

Сравнительно-исторический метод позволил обосновать оригинальность взглядов англо-американских ученых. Стало возможным оценить вклад каждого исследователя в изучение истории внешней политики России на Дальнем Востоке. При помощи историко-генетического метода был проанализирован процесс развития современной англо-американской историографии. Проблемно-хронологический метод позволил выявить тематику и ее трактовку исследований современных англо-американских авторов.

Степень изученности темы. Литературу, посвященную изучению современной англо-американской историографии, можно разделить на две группы. К первой относятся историографические обзоры в рамках диссертационных исследований по теме внешней политике России на рубеже XIX–XX вв.

Среди российских ученых можно назвать И.В. Лукоянова, который в своей диссертации делает подробный анализ наиболее значимых работ западных авторов². Среди исследований, написанных до распада СССР, И.В. Лукоянов отмечает исследования А. Малоземова «Российская дальневосточная политика 1881–1904 гг.»³, Дж. Лензена «Баланс интриг: международное соперничество в Корее и Манчжурии, 1884–1899 гг.»⁴ и Я. Ниша «Истоки рус-

¹ Перечень используемых методов историографического исследования составлен на основе классификации И.Д. Ковальченко (Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003).

² Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: Дис. ... докт. истор. наук. СПб., 2009.

³ Malozemoff A. Russian Far-Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958.

⁴ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee, 1982. Vol. II.

ско-японской войны»¹. Среди работ современных англо-американских авторов И.В. Лукоянов обращает внимание на исследования С. Пейн «Имперские противники: Китай, Россия и спорная территория»², Д. Макдоналда «Правительство США и внешняя политика в России, 1900–1914 гг.»³, Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией»⁴.

В.Г. Дацышен в диссертации «Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.» также дает характеристику современным англо-американским работам⁵. Он отмечает исследования Дж. Стефана «Российский Дальний Восток»⁶, Дж. Форсайта «История народов Сибири. Российская Северо-Азиатская колония 1581–1990 гг.»⁷, С.Г. Маркса «Дорога к власти...»⁸. В.Г. Дацышен подчеркивает, что в этих работах сохраняется традиционный подход к освещению проблем российско-китайских отношений. Между тем, в западной историографии так не появилось комплексного исследования по истории российско-китайских отношений рубежа XIX–XX вв.

Ко второй группе относятся рецензии на отдельные монографии. Так, например, анализу работы Д. Ливена «Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней» посвящена рецензия А.Н. Медушевского⁹. Автор отмечает, что американский исследователь при анализе понятия и сущности империи использует спорные подходы. Между тем, значительный сравнительный материал о государственности империй различных эпох, как отмечает А.Н. Медушевский, позволяет размышлять о целом комплексе проблем, а именно: факторы образования империй, их устойчивые признаки, стадии эволюции, взаимосвязь процессов глобальной интеграции и национального развития. Еще одним существенным плюсом работы Д. Ливена автор публикации называет постановку проблемы постимперского развития России.

Рассмотрению работы Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией» посвящена ре-

¹ Nish J. The Origins of the Russo-Japanese War. L., N.Y., 1985.

² Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924. N.Y., 1996.

³ McDonald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge, 1992.

⁴ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

⁵ Дацышен В.Г. Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2006.

⁶ Stephan J. The Russian Far East: a History. Stanford, 1994.

⁷ Forsyth J. History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1994.

⁸ Marks S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. L., 1991.

⁹ Медушевский А.Н. Д. Ливен. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней // Российская история. 2008. № . С. 185–187.

цензия Ю.А. Полунова¹. Автор обращает внимание на использование междисциплинарного подхода при изучении исторических проблем. Благодаря этому становится возможным изучать внешнюю политику в контексте эпохи, соотносить ее с достижениями общественной мысли, литературы и искусства. Вместе с тем, Ю.А. Полунов указывает на определенные недостатки работы. Во-первых, он отмечает ряд редакторских и корректорских ошибок, обилие англицизмов, а также ряд фактических ошибок, что затрудняет восприятие материала. Во-вторых, как отмечает автор, Схиммельпеннинку так и не удалось в достаточной мере проследить взаимовлияние идеологии и дипломатии.

На страницах западных журналов также появляются рецензии на исследования современных англо-американских авторов. В частности, Д.Н. Коллинс анализирует работу С.Г. Маркса «Дорога к власти: Транссибирская железная дорога и колонизация российской Азии, 1850–1917 гг.». Он полагает, что тема железных дорог для С.Г. Маркса была всего лишь своеобразным прикрытием, за которым «спрятаны» три основные проблемы: особенности развития экономики империи, продвижение России на Восток как способ удовлетворить национальное самолюбие и противостоять «желтой угрозе» и слишком инертный, неповоротливый бюрократический аппарат².

Рассмотрению монографии С. Харкейва «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография» посвящена статья В. Джонса «Возрождая наследие Сергея Витте»³. Рецензия довольно обширна, содержит практически краткий пересказ книги без тщательного анализа. Автор отмечает, что в качестве основы данной работы был положен труд А.В. Игнатьева «С.Ю. Витте – дипломат». И хотя в целом подходы к изучению данной проблемы выводы автора не новы, В. Джонс утверждает, что исследование С. Харкейва является значительным вкладом в развитие западной историографию.

Источниковую базу диссертационного исследования можно разделить на две группы. К первой относятся историографические источники. По видам их можно разделить на пять больших групп: монографии (более 20 работ)⁴, научные статьи (более 20 работ)⁵,

¹ Полунов А.Ю. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией // Российская история. 2010. №5. С. 203–205.

² Collins D.N. Steven G.M. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917 // European History Quarterly. 1993. № 23 (1). P. 628–629.

³ Jones W. Revive the Legacy of Russia's Sergei Witte // Executive Intelligent Review. 2006. № 13. P. 37–41.

⁴ См., напр.: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч.; Harcave S. Count Sergei Witte and the twilight of Imperial Russia: a biography. N.Y., 2004; Jukes G. The Russo-Japanese War 1904–1905. Oxford, 2002; и др.

⁵ См., напр.: Хейвуд Дж.Э. «Самый катастрофичный вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в позднеимперской России // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. С. 112–143; Mackinder H.J. Указ. соч.; и др.

рецензии¹ (более 10), диссертации (1 работа)² и многотомные коллективные труды энциклопедического характера (5 многотомных изданий)³.

Авторы исследований по истории внешней политики России являются представителями англо-саксонской исторической школы трех стран: Великобритания (Д. Ливен, Дж.Э. Хейвуд, Х. Маккиндер, Я. Ниш, Дж. Джукс, Р. Чаркс, Т. Коуэн и др.), США (С.Г. Маркс, С. Харкейв, Ф. Патрикеев, Г. Шукман, С. Пэйн, А. Трудов, К. Дэвис, Д. МакКензи, Д. Стоун, А. Коуэн, А. Малоземов, М. Корт, Ф. Вцислоу и др.) и Канада (Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе).

Нами были изучены работы, написанные в разных жанрах исторической науки. Главным представляются исследования англо-американских авторов, посвященные изучению истории внешней политики России на Дальнем Востоке в указанный период (С.Г. Маркс, Д. МакКензи, Р. Чаркс, С. Пэйн, Ф. Патрикеев, Г. Шукман и др.). Одним из крупнейших англо-американских исследователей является выпускник Гарварда профессор С.Г. Маркс. В 1988 г. ему была присвоена степень доктора наук. История Транссибирской магистрали была темой его докторской диссертации. В монографии «Транссибирская железная дорога и колонизация российской Азии, 1850–1917 гг.» автор рассматривает проблему строительства Великого Сибирского пути в контексте изучения развития внутренней и внешней политики России⁴. В качестве основного источника С.Г. Маркс использует российскую периодическую печать («Инженер», «Известия императорского русского географического общества», «Известия собрания инженеров путей сообщения», «Железнодорожная газета», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь», «Восточное обозрение»). Не меньшего внимания заслуживают его отдельные статьи. Так, в работах ««Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии»⁵, «Покоряя Великий Восток. Куломзин, крестьянские поселения и создание современной Сибири»⁶ и «Бремя Дальнего Востока: вопрос о строительстве

¹ См. напр.: Collins D.N. Указ. соч.; Jones W. Указ. соч.

² См., напр.: Trudov A. Taming the Dragon: Russian Imperial Drive towards the Far East (mid. 16th century to 1905), its historical significance and consequences: A thesis ... the degree of Master of Arts in Military Studies and Diplomacy. Honolulu, 2004; и т.д.

³ См., напр.: Encyclopedia of World History. Voll. I–VII. N.Y., 2008; Cambridge History of Japan. Voll. I–VI. Cambridge, N.Y., 2008; Cambridge History of Russia. Voll. I–III. Cambridge, N.Y., 2006; Cambridge History of Southeast Asia. Voll. I–II. Cambridge, N.Y., 2008.

⁴ Marks S.G. Указ. соч.

⁵ Он же. «Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 89–107.

⁶ Он же. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, N.Y., London, 1995. P. 23–39.

Амурской железной дороги в России, 1906–1916 гг.»¹ автор рассматривает различные аспекты внешней политики России: от проблемы так называемой «желтой угрозы» и определенным образом связанной с ней переселенческой политикой до влияния поражения России в войне 1904–1905 гг. на колониальную политику Великобритании.

Чиа Йин Хсу, профессор Государственного университета Портленд, в статье «Рассказ о двух дорогах: «желтый труд», аграрная колонизация и становление российских дальневосточных рубежей, 1890–1910 гг.» рассматривает тему строительства железных дорог на Дальнем Востоке². Она анализирует решение царского правительства о строительстве КВЖД и те социально-экономические последствия, к которым это решение привело. Свои выводы автор строит на основании данных четырех фондов РГИА, а также некоторых опубликованных источников и исследовании С.Г. Маркса «Дорога к власти...» Неудивительно, что многие положения Ч.Й. Хсу схожи с мнением С.Г. Маркса.

Во многом отличается от других работа Д. Маккензи «Имперские мечты в столкновении с реальностью: царская внешняя политика России, 1815–1917 гг.»³. При рассмотрении проблем внешней политики России на Дальнем Востоке, автор отмечает, что российская экспансия на Восток отличалась от экспансии великих индустриальных стран Европы и в ней отражалась экономическая слабость, недоразвитость и даже попытки казаться великой державой.

Так же выделяется из списка исследований работа С. Пейн «Японо-китайская война 1894–1895 гг.: восприятие разных сторон, вопросы о силе и превосходстве»⁴. Основным результатом столкновения между Японией и Китаем, по мнению автора, стало изменение статуса обеих стран в мире, а также вмешательство в японо-китайские отношения третьих стран. Кроме того, спорным является мнение автора о том, что именно после японо-китайской войны Япония предстала в глазах западных держав мощной империей.

Рассмотрение проблемы развития железнодорожной сети в России в указанный период – основная тема исследования Ф. Патрикеева и Г. Шукмана «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная»⁵. Уделяя внимание как финансово-техническим, так и социально-экономическим аспектам строительства железной дороги на Восток, авторы обращают особое внимание на ее внешнеполитическое и международное значение. Они под-

¹ Он же. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906–1916 // *Sibirica: the Journal of Siberian Studies*. 1993/94. № 1. P. 9–28.

² Hsu C.Y. A Tale of two railroads: «Yellow Labor», agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s – 1910s // *Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 217–253.

³ Mackenzie D. *Imperial Dreams Harsh Realities: Tsarist Russian Foreign Policy, 1815–1917*. N.Y., 1994.

⁴ Paine S.C.M. *The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy*. Cambridge, N.Y., 2003.

⁵ Patrikeeff F., Shukman H. *Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war*. L., N.Y., 2007.

черквивают тот факт, что это активное продвижение России вглубь своей страны и на территорию Манчжурии было воспринято на международной арене с определенной тревогой, особенно в Японии, где сложилось впечатление, что в планах влияния Российской империи находится весь Китай, а не только его северная часть. Экспансия России на Восток с ее масштабным железнодорожным строительством стало представлять угрозу для Японии. Авторы полагают, что, если бы не было этой железной дороги, масштаб войны не просто был бы меньший, но ее можно было избежать.

Ко второй группе относятся работы геополитического характера (Г. Киссинджер, Дж. ЛеДонн и др.). Англо-американские исследователи приходят к единому мнению о том, что дальневосточная экспансия России в конце XIX в. не отвечала насущным интересам страны. Так, Г. Киссинджер считает, что экспансия России на Дальний Восток в конце XIX в. была экономически необоснованной, и именно поэтому закончилась провалом. В своей работе он утверждает, что уже с середины XIX в. экспансионизм начал способствовать упадку империи. Россия, по выражению автора, поглощала всё больше земель, которые ей были не нужны, и которых она не могла «переварить»¹. О том же говорит и Дж. ЛеДонн в своей монографии «Российская империя и мир, 1700–1917 гг.: геополитика расширения и сдерживания»².

Третью группу составляют биографии крупных политических деятелей эпохи (С. Харкейв, Д. Ливен, Ф. Вчисло, У. Джонс и др.). Среди них следует назвать исследование профессор Лондонской школы экономики и политических наук Д. Ливена «Николай II: император Всея Руси»³. Он, также как и англо-американские специалисты по геополитики, приходит к выводу, что на дальневосточную политику России тратила те ресурсы, которые необходимо было направить на решение внутренних проблем. Вину за неверную расстановку приоритетов он возлагает на Николая II.

Много работ посвящено личности и деятельности С.Ю. Витте. Современные западные специалисты считают, что именно благодаря этому человеку российская дальневосточная экспансия была успешной в течение определенного времени. Среди множества работ можно отметить исследования С. Харкейв, Ф. Вчисло и др.

С. Харкейв в 1940-х гг. работал в качестве аналитика в области внешней политики в Информационной службе зарубежного вещания и Управлении стратегических служб (прообраз ЦРУ). Позже он начал свою преподавательскую деятельность в Университете

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

² LeDonne J. The Russian Empire and the World. The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y., 1997.

³ Lieven D. Nicholas II: Emperor of All the Russians. L., 1993.

Вайоминг, а затем в Университете Бингэмптом. Профессор С. Харкейв читал курс новой истории Европы и России. В 2004 г. вышла его последняя крупная работа «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография»¹, написанная на большом количестве опубликованных источников (дипломатические документы, опубликованные в журнале «Красный Архив», воспоминания В.М. Вонлярлярского, мемуары С.Ю. Витте, дневники Николая II, А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа, А.С. Суворина, А.А. Половцова, материалы «Сборника договоров России с другими государствами, 1856–1917» и др.). В ней автор рассматривает роль С.Ю. Витте во внешней политике Российской империи, высоко оценивая его заслуги перед российским правительством. В том же духе написана работа профессора Университета Вандербильта Ф. Вчисло «Рассказы об имперской России: жизнь и время Сергея Витте, 1849–1915 гг.»². Основываясь на многочисленных источниках (Бахметьевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, материалы РГИА, опубликованные работы С.Ю. Витте, дневники Николая II, В.Н. Ламздорфа, А.В. Богдановича и др.), автор утверждает, что успехи российской внешней политики на Дальнем Востоке были связаны именно с Витте, а ее провал – с желанием Николая II поскорее избавиться от неудобного чиновника.

К четвертой группе относятся работы по военной истории (Дж. Джукс, А. Маршал и др.). Среди них есть как комплексные исследования, так и обзорные работы. В числе первых необходимо отметить монографию профессора Университета Глазго А. Маршалла «Российский генеральный штаб и Азия, 1800–1917 гг.»³. В исследовании, написанном с использованием материалов РГВИА, говорится о том, что неудачи внешней политики России на Дальнем Востоке следует объяснять провалом работы военной разведки в регионе. Силы Японии были недооценены, по мнению автора, по двум причинам. Первая заключалась в том, что в течение долгого времени приоритетным считалось западное направление, а не Дальний Восток (военная разведка которого началась только в 1880-х гг.). Вторая причина связана с ощущением собственного превосходства российских генералов над японцами (автор использует слово «расизм»).

В качестве примера общих работ можно назвать монографию Дж. Джукса «Русско-японская война 1904–1905 гг.»⁴. Автор несколько лет работал в Министерстве обороны Великобритании, а позже преподавал в Австралийском национальном университете в Канберре. На страницах сравнительно небольшого исследования он уделяет внимание скорее фак-

¹ Harcave S. Указ. соч.

² Wcislo W. Tales of Imperial Russia: The Life and Time of Sergei Witte, 1849–1915. N.Y., Oxford, 2011.

³ Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. L., N.Y., 2006.

⁴ Jukes G. Указ. соч.

тической стороне дела, нежели аналитической. Между тем остается непонятным, какими источниками автор пользовался при написании работы, т. к. в ней отсутствует библиографический список.

В пятую группу вошли монографии и статьи, в которых вопросы внешней политики так или иначе связаны с проблемами развития общественно-политической мысли и идеологии (Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, А. Касселс и др.). В своих работах профессор Университета Брок Д. Схиммельпенник ван дер Ойе рассматривает внешнюю политику России в указанном регионе и вслед за многими исследователями отмечает ее непоследовательность и противоречивость. В монографии «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией», написанной с использованием широкой источниковой базы, рассматриваются различные концепции внешнеполитического развития¹. Идея о существовании четырех различных идеологий, смена которых приводила к изменению темпа российской экспансии, оказалась настолько востребованной и удобной, что многие исследователи взяли ее на вооружение².

О том, что на дальневосточную внешнюю политику России оказывали влияние идеи панславизма, пишет А. Касселс в своем исследовании «Идеология и международные отношения в современном мире»³. Автор отмечает, что поворот России к Востоку связан с ее поражением в Крымской войне. Стремясь восстановить статус великой державы, она обратила свое внимание на Восток, вооружившись идеологией панславизма. Автор отмечает, что ее влияние не было значительным и постоянным, но все же именно она привела Россию к войне.

Исторические источники представлены тремя видами. К первому относятся источники личного происхождения (мемуары С.Ю. Витте, дневники Николая II, В.Н. Ламздорфа, А.Н. Куропаткина, А.И. Богдановича, воспоминания А.П. Извольского и П.Н. Милюкова)⁴. Ко второму – делопроизводственные материалы, в частности деловая переписка С.Ю. Витте

¹ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч.

² См., напр.: Макаренко В.П. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 214–215; Он же. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 18–19; Воловников В.Г. Смейтесь, глядя на врага. О монографии Т.А. Филипповой «Враг с Востока» // Восточный архив. 2013. № 2 (28). С. 90–94; Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006; и др.

³ Cassels A. Ideology and International Relations in the Modern World. L., N.Y., 1996.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары: в 3 т. М., 1960; Дневник императора Николая II 1890–1906. М., 1991; Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991; Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010; Богданович А.И. Три последних самодержца. М., 1990; Извольский А.П. Воспоминания. М., 1924; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

и Николая II, С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина и др.¹ К третьему – политические сочинения, характеризующиеся более глубокой аргументацией и рассчитанные на специалистов управления и представителей правящей элиты (4-томный труд главнокомандующего русской армией А.Н. Куропаткина и комментарии к нему С.Ю. Витте²).

В диссертации эти источники используются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть точку зрения англо-американских исследователей, не все из которых использовали опубликованные и архивные источники.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем выявлены и классифицированы новые историографические источники по вопросам дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв.; дана обобщающая характеристика современной англо-американской историографии внешней политики России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.; проведен анализ новейших работ по теме исследования с точки зрения геополитических интересов России на Дальнем Востоке в указанный период; изучение современных англо-американских исследований позволило охарактеризовать опыт построения отношений с такими ключевыми странами региона как Китай и Япония.

Положения, выносимые на защиту:

1. Практически все современные англо-американские историки в области изучения российской внешней политики на Дальнем Востоке в 1894–1905 гг. приходят к выводу о том, что самодержавие не справлялось с защитой интересов России на Дальнем Востоке.

2. В современной англо-американской историографии ведутся дискуссии по вопросу влияния различных общественно-политических взглядов на развитие внешней политики России в конце XIX – начале XX вв. С одной стороны, выдвигается положение о наличии одной концепции развития, которая претерпевала различные внутренние изменения. С другой стороны, ему противопоставляется тезис о том, что в России существовали разные подходы в понимании роли и места империи в мировом развитии, и смена таких концепций приводила к изменению темпа дальневосточной экспансии.

¹ Письмо С.Ю. Витте Николаю II о необходимости скорейшего заключения мира с Японией и решения вопроса о народном представительстве // Витте С.Ю. Хроника. Документы. Воспоминания. СПб., 1999. С. 182–183; Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. // Красный архив. 1926. № 6. С. 65–81; Переписка о подкупе китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-ин-Хуана // Красный архив. 1922. № 2. С. 287–293; Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) // Красный архив. 1934. № 2 (63). С. 3–54.

² Куропаткин А.Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: в 4 т. СПб.; Варшава, 1906–1907; Витте С.Ю. Вынужденныя разъясненія по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войнѣ съ Японіей. М., 1911.

3. Современные англо-американские исследователи считают, что строительство железных дорог было главным фактором утверждения России на Дальнем Востоке и обеспечения ее внешнеполитических интересов.

4. Современные западные авторы признают ответственность за развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг. не только России, но и Японии, а также европейских держав.

5. В работах современных англо-американских исследователей подчеркивается влияние поражения России в войне с Японией на подъем и развитие антиколониального движения в странах юго-восточной Азии.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета. Основные положения были озвучены автором в докладах на международных (Саратов, 2011; Пенза, 2012) и региональных (Пенза, 2008, 2009, 2010) научных конференциях. Основные результаты опубликованы в 13 публикациях, включая три статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК) (общий объем 3,5 п. л.).

Структура диссертации подчинена исследовательской логике и состоит из введения, трех глав, построенных по проблемно-хронологическому принципу, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, обозначены его хронологические и географические рамки, раскрывается методология исследования, представлена историография темы и дана характеристика источников (историографических и исторических).

Первая глава «Политические факторы внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии» состоит из трех параграфов. В первом параграфе «**Концепции развития внешней политики Российской империи**» рассматриваются работы современных англо-американских ученых, в которых изучается влияние различных теорий и концепций на внешнюю политику России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. На основе их анализа выделены две основные группы работ. К первой относятся исследования тех ученых, которые доказывают существование нескольких концепций, смена которых вела к изменению темпов внешнеполитической экспансии России. Так, например, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе выдвинул идею о существовании

четырёх идеологий: конкистадорский империализм, восточничество, концепция мирного проникновения и «желтая угроза». Также о наличии различных концепций пишет С.Г. Маркс, Ч.Й. Хсу, А. Трудов, А. Маршалл, но они, в отличие от канадского историка, изучают концепции не во взаимосвязи, а как существующие независимо друг от друга системы внешне-неполитических взглядов. Наибольшего внимания удостоились концепция мирного проникновения С.Ю. Витте (С.Г. Маркса, Ф. Вчисло, А. Трудова и др.) и так называемая проблема «желтой угрозы» (Ч.Й. Хсу, А. Ирия, С. Пейн и др.).

Ко второй группе отнесены работы историков, утверждающих, что дальневосточная политика России была обусловлена чисто политическим мотивом – стремлением утвердить свои позиции в данном регионе. Об этом говорят в своих исследованиях Д. МакКензи, Г. Киссинджер, Дж. П. ЛеДонн.

Между тем, мнения, высказанные исследователями обеих групп, не противоречат, а дополняют друг друга. Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, С.Г. Маркс, Ч.Й. Хсу и др. более пристальное внимание обращают на конкретные средства и методы ведения политики, а Д. МакКензи, Дж. П. ЛеДонн – на ее суть.

Второй параграф «Англо-американская историография о роли Николая II в дальневосточной политике России» посвящен анализу работ, речь в которых идет о личности последнего российского императора и его роли во внешней политике России на Дальнем Востоке. Изучение работ С. Харкейва, Ф. Патрикеева, Г. Шукмана, Д. Схиммельпенника ван дер Ойе и др. показывает определенное единство во мнениях западных исследователей. Как они утверждают в своих работах, неудачи во внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке во многом объясняются поведением, позицией, личностью Николая II. Они характеризуют его как человека слабого, импульсивного и легко поддающегося влиянию. Именно он, по мнению историков, своими непоследовательными действиями создал ситуацию, в которой русско-японская война стала неизбежной.

При сравнении позиции современных англо-американских и отечественных ученых обнаруживается, что такая точка зрения вполне схожа со сложившейся в советской исторической науке. Ключевое различие заключается в том, что советские историки чаще виновником неудач называли самодержавие в целом, а не конкретного монарха. В новейшей российской историографии наметилась иная тенденция. Так, например, В.П. Мультиатули, И.В. Лукоянов показывают Николая II как более прозорливого и последовательного правителя.

В третьем параграфе «Деятельность С.Ю. Витте в контексте рассмотрения внешней политики России на Дальнем Востоке» рассматриваются работы, посвященные изучению роли личности С.Ю. Витте и его внешнеполитической деятельности. Практически

все исследователи называют его выдающимся политическим деятелем царской России. Высоко оценивая его заслуги, авторы (Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, С.Г. Маркс, Ф. Вчисло, С. Харкейв, Г. Шукман, Ф. Патрикеев и др.) отмечают, что именно самодержавие не дало полностью раскрыться политическому гению С.Ю. Витте. Ему не удалось до конца провести внутреннюю модернизацию, что неизбежно повлекло за собой потерю международного престижа империи.

Важным представляется тот факт, что к такому единому мнению авторы пришли, основываясь на разных источниках. Так, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе и С.Г. Маркс в своих работах использовали материалы российских архивов, а также опубликованные источники. Ф. Вчисло, Г. Шукман, Ф. Патрикеев помимо прочего опирались на документы американских архивов. В основу некоторых исследований (например, А. Трудов) положены только опубликованные источники и работы других ученых. Объединяет всех то, что ряд выводов англо-американские исследователи строят на основании тех или иных положений, изложенных С.Ю. Витте в своих мемуарах. По всей видимости, именно это объясняет такое единодушие в характеристике роли этого политического деятеля во внешней политике.

Вторая глава «Современная англо-американская историография внешней политики России на Дальнем Востоке 1894–1904 гг.» состоит из пяти параграфов. В **первом параграфе «Последствия японо-китайской войны 1894–1895 гг. и активизация внешней политики России на Дальнем Востоке»** показаны разные оценки японо-китайской войны 1894–1895 гг. в современной англоязычной историографии. Ряд исследователей (Д. МакКензи, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, С. Харкейв) считают, что в результате проведения такой политики Россия смогла не только сохранить силы для проведения внутренней модернизации, но и подтвердить статус великой державы, имеющей значительный вес на международной арене. Англо-американские ученые показывают взаимосвязь между строительством Транссибирской железной дороги и японо-китайской войной как реакцию Японии на усиление влияния России в регионе, а также между японо-китайской и русско-японской войной: слишком опасна была в 1895 г. победа российской дипломатии. Об этом пишут историки (Д. МакКензи, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, С. Харкейв и др.), геополитики (Дж.П. Ледонн, Г. Киссинджер и др.) и специалисты по военному делу (А. Маршалл, Дж. Джукс и др.).

В то же время существуют работы (С. Пейн), в которых роль России и С.Ю. Витте в частности не показаны. Основным результатом столкновения между Японией и Китаем, по мнению этого автора, стало изменение статуса обеих стран в мире и превращение международной политики в политику глобальную.

Во втором параграфе «Цели, задачи и значение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали» речь идет об оценке современными англо-американскими исследователями роли Великого Сибирского пути во внешней политике России на Дальнем Востоке. Эта тема рассматривается как в отдельных (С.Г. Маркс, Ф. Патрикеев, Г. Шукман, Дж.Э. Хейвуд), так и в общих работах (Д. МакКензи, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе и др.). Так, С.Г. Маркс утверждает, что строительство Транссибирской дороги соответствовало не только потребностям страны, но и общемировым тенденциям. Основную ее цель американский ученый видит в колонизации отдаленных территорий, которая была необходима по ряду причин. Во-первых, она способствовала экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока. Во-вторых, решала проблему «земельного голода» в центральной России. В-третьих, противостояла «желтой угрозе». Частично эти задачи были решены. Но сама необходимость в колонизационной политике, средством которой была эта железная дорога, по мнению С.Г. Маркса, показала геополитическую слабость России в регионе.

Ф. Патрикеев и Г. Шукман также обращают внимание на те экономические результаты, которых можно было бы добиться благодаря строительству трансконтинентальной дороги, если бы не международная реакция на выход России за пределы собственных границ. С другой стороны, некоторые англо-американские историки полагают, что строительство Транссибирской магистрали было экономически необоснованным (Д. МакКензи и др.). Они утверждают, что российское правительство не располагало нужным количеством средств для развития собственных территорий, не говоря уже о проникновении на иностранные рынки сбыта.

В целом, среди англо-американских исследователей сложилось довольно четкое представление о том, какие конкретно задачи должна была решить Транссибирская магистраль. Это, во-первых, социально-экономическое освоение региона, импульс для развития национальной промышленности и расширение внутреннего рынка, решение проблемы «земельного голода» в Центральной России. Во-вторых, укрепление авторитета самодержавия внутри страны и за ее пределами. В-третьих, усиление обороноспособности страны на ее дальневосточных рубежах и международного влияния. В-четвертых, обеспечение культурной интеграции данного региона. Однако на вопрос о том, какая конкретная цель являлась первоочередной, современная англо-американская историография не дает однозначного ответа.

В третьем параграфе «Причины и последствия строительства Китайской Восточной железной дороги» анализируются работы, темой которых стала история КВЖД. Единства в оценках значения этой дороги в современной англо-американской историографии не сложилось. Так, С.Г. Маркс полагает, что КВЖД была элементом решительного наступ-

ления и защитой от «желтой угрозы», но нанесла значительный ущерб экономике страны. С ним не согласны Ч.Й. Хсу, Г. Патрикеев и др., которые утверждают, что выбор в пользу сооружения дороги по китайской территории был экономически оправдан и целесообразен, даже с учетом того, что собственно российские территории были фактически принесены в жертву китайской провинции.

Между тем, авторы различных работ сходятся в своем мнении о том, что был допущен определенный стратегический просчет при принятии решения о постройке КВЖД вместо дороги, проходящей по российской территории. Такое утверждение становится важным при изучении русско-японской войны 1904–1905 гг. и анализе причин поражения в ней России.

В четвертом параграфе «Аренда Ляодунского полуострова и начало изменений в дальневосточной политике России» показано, как современные англо-американские исследователи трактуют события 1898 г. Ряд исследователей (Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, С. Харкейв и др.) доказывают, что конвенция об аренде Ляодунского полуострова шла вразрез с отстаиваемой С.Ю. Витте тактикой. Как особо подчеркивает Д. МакКензи, строительство Транссибирской дороги, имевшее первостепенное значение для министра финансов, и без того требовало огромных средств. Кроме того, в Европе набирал силу экономический кризис. В таких условиях С.Ю. Витте не мог позволить излишние расходы на несвоевременные действия во внешней политике.

Некоторые исследователи (например, Д. Вольф) придерживаются иной точки зрения. Они утверждают, что С.Ю. Витте вместе с другими высокопоставленными чиновниками был рад возникшей ситуации. Его быстрые действия по приданию захвату Порт-Артура благопристойного вида объясняются желанием министра финансов сделать свое ведомство единственным проводником российской политики в Китае. Причины такого стремления англо-американские исследователи видят в самодержавии: С.Ю. Витте понимал, что если он допустит промах, то потеряет положение и власть. Однако такая позиция привела к тому, что за аренду Ляодунского полуострова пришлось заплатить дальневосточными успехами и уступить не только Японии, но и Англии.

Несмотря на то, что мнения англо-американских исследователей в вопросе определения виновных в аренде полуострова расходятся, практически все они едины в том, что события 1898 г. имели судьбоносное решение для российской внешней политики на Дальнем Востоке: самодержавие понесла значительные политические потери в регионе. Война с Японией стала делом времени.

В пятом параграфе «На пути к русско-японской войне 1904–1905 гг.: боксерское восстание и проблема оккупации Манчжурии» уделяется внимание исследованиям современных англо-американских авторов, в которых говорится о событиях, непосредственно предшествующим русско-японской войне. Зарубежные историки показывают, что именно после получения аренды Ляодунского полуострова Николай II стал меньше руководствоваться советами С.Ю. Витте. Современные исследователи объясняют это по-разному. Одни (Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, С. Харкейв) отмечают смену внешнеполитического курса, вызванную внутривластительской борьбой. Другие (Д. МакКензи, С. Пейн) считают, что именно такая политика на международной арене соответствовала «духу страны с имперскими амбициями».

Именно события 1898 г. стали точкой отсчета русско-японской войны. События 1898–1904 гг. не могли кардинальным образом изменить сложившуюся международную обстановку. Вне зависимости от скорости вывода российских войск с территории Манчжурии, как утверждают англо-американские исследователи, война между Японией и Россией всё равно бы началась. Просчет царского правительства заключался в том, что в результате своих действий, страна оказалась во внешнеполитической изоляции, что было выгодно как Японии, так и другим европейским странам и США.

Третья глава «Изучение русско-японская войны 1904–1905 гг. в современной англо-американской исторической науке» включает в себя четыре параграфа. В первом параграфе «Причины русско-японской войны» показано, что большинство современных англо-американских историков (Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, С.Г. Маркс, Дж. Джукс, А. Трудов и др.) среди основных причин войны 1904–1905 гг. называют, во-первых, пересмотр условий Симонсекского договора 1895 г. как начало явного противостояния между Россией и Японией; во-вторых, аренду Ляодунского полуострова в 1898 г.; в-третьих, оккупацию Манчжурии. Некоторые историки (С. Харкейв, Дж.П. ЛеДонн, Д. МакКензи и др.) считают, что главной причиной войны 1904–1905 гг. была борьба между Россией и Японией за влияние в Корее. К такому же мнению приходят и современные отечественные исследователи, которые главной причиной войны называют столкновение империалистических интересов Японии и России.

Значительным недостатком современных англо-американских работ является то, что в большинстве случаев в них упускается из виду заинтересованность других стран (США, Великобритании, Германии) в японо-русском столкновении. Например, современные российские ученые (В.Э. Молодяков, С.Б. Макарьян, А.Б. Широкоград, В.П. Мультатули и др.) подчеркивают, что великие державы старались не допустить чрезмерного усиления России

или Японии в Китае, так как сами претендовали на установление своего порядка и своей гегемонии на данной территории.

Во втором параграфе «Русско-японские отношения во время войны 1904–1905 гг.» показано, как современные англо-американские историки рассматривают развитие дипломатических отношений между Россией и Японией периода 1904–1905 гг. Необходимо сразу отметить тот факт, что специальных исследований, отдельно посвященных данной теме, нами не было найдено. Исследователи рассматривают проблемы взаимоотношений России и Японии во время боевых действий в контексте изучения истории внешней политики начала XX в. в целом или войны 1904–1905 гг. в частности.

Англо-американские исследователи (Д. МакКензи, Дж. Джукс и др.) обращают внимание на то, что, во-первых, Япония первая поняла необходимость в заключении мира еще зимой 1905 г., однако непреклонность Николая II заставила Россию сесть за стол переговоров только после Цусимы. Во-вторых, в ряде работ (С. Харкейв, А. Трудов, Ф. Вчисло и др.) дается анализ деятельности С.Ю. Витте, удаленного от реальной политики, но уже ищущего возможные варианты сотрудничества и посредничества зимой 1905 г. В-третьих, англо-американские историки поднимают вопрос о том, кто был инициатором мирных переговоров: Япония, обратившаяся за помощью к США (С. Харкейв), Германия, испугавшаяся начавшейся в России революции (Д. МакКензи) или США, опасавшиеся усиления Японии в регионе (Дж. Джукс).

В третьем параграфе «Портсмутский мирный договор: его результаты и последствия» рассматриваются современные англо-американские исследования, посвященные мирной конференции в Портсмуте. Большинство англо-американских исследователей (С. Харкейв, Дж. Джукс, Ф. Вчисло и др.) высоко оценивает роль С.Ю. Витте в заключении «благопристойного» мира. Вместе с тем они подчеркивают, что одним из ключевых факторов стала позиция США, которые не желали усиления Японии на Дальнем Востоке. Именно опасения по поводу роста влияния Японии в регионе побудили не только США, но и Великобританию встать на сторону проигравшей стороны, а впоследствии способствовали англо-русскому сближению накануне Первой мировой войны.

Некоторые исследователи (Д. МакКензи) приходят к выводу о том, что поражение России и войне и заключение благопристойного мира имело определенное положительное значение. В течение нескольких лет, предшествовавших войне 1904–1906 гг., самодержавие тратило колоссальные средства на бессмысленные, экономически невыгодные и поэтому опасные приобретения на Дальнем Востоке. Теперь же этой обузы не стало. Тот же С.Г.

Маркс, которые в целом положительно характеризует политику Витте в регионе, говорит о «дальневосточном бремени» России.

Четвертый параграф «Последствия русско-японской войны 1904–1905 гг.» посвящен рассмотрению современных англо-американских исследований, в которых уделяется внимание тем последствиям, к которым привела русско-японская война. В исследованиях С.Г. Маркса поднимается вопрос о реальных победителях и проигравших. Он приходит к вполне логичному выводу о проигрыше Англии как западной страны, которая владела обширными колониями на Востоке. По сути, война 1904–1905 гг. велась не между Россией и Японией, а между Западом и Востоком. В работах многих исследователей (Т. Шунер, Д. Вольф и др.) показан грандиозный просчет европейских стран и США, которые боялись угрожающего им усиления России (которое в действительности не было столь опасным из-за внутренней экономической и политической слабости самодержавия) и поддержали Японию. В результате, азиатская держава вышла победителем и стала равной великим державам.

Многочисленные исследования (П. Роделл, А. Ирия и др.) посвящены влиянию победы Японии над Россией на подъем и развитие антиколониального движения в юго-восточной Азии. Кроме того, всё большее количество ученых приходят к выводу о том, что главным результатом русско-японской войны было создание такой системы международных отношений, при которой стала возможна Первая мировая война. В современной англо-американской историографии даже появился термин «Мировая война под номером ноль» (Д. Вольф, С.Г. Маркс, Б. Меннинг, Дж. Стейнберг и др.).

В **Заключении** содержатся основные выводы исследования. Современная англо-американская историография представляет собой новый этап в развитии западной исторической мысли. Ее отличительными чертами являются: во-первых, характерное стремление отойти от подходов времен холодной войны в изучении российской истории и на основе различных источников сформировать свои собственные; во-вторых, история России начинает рассматриваться в контексте западной и общемировой истории как ее неотъемлемая составная часть, проводятся параллели с историческими процессами западного мира; в-третьих, возросший интерес к истории отдельных регионов.

Состав англо-американских исследователей дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв. неоднороден. Большую его часть составляют профессиональные историки, которые являются профессорами крупных британских и североамериканских университетов (С.Г. Маркс, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, Ч.Й. Хсу, Д. Ливен и многие другие). Между тем, изучением российской внешней политики занимаются и профессиональные военные (Дж. Джукс), разведчики (С. Харкейв), политики (Г. Киссинджер, З. Бжезинский).

Источниковая база современных англоязычных исследований многообразна и обширна. Получив доступ к российским архивам (РГИА, РГВИА, АВПРИ, ГАРФ, СПбФ АРАН, НА РГО, РГА ВМФ и др.), многие ученые использовали их материалы при написании своих трудов (А. Маршалл, Ф. Вчисло, С.Г. Маркс, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе и др.). Некоторые историки (Ф. Патрикеев, Г. Шукман, Ф. Вчисло и др.) прибегали к документам американских архивов (Бахметьевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, Архив Института Гувера при Стенфордском университете). Однако большая часть исследователей работала с опубликованными источниками (мемуары, воспоминания, дневники различных деятелей эпохи; сборники документов) и трудами других исследователей (наибольшей популярностью пользуются исследования Е.В. Тарле, Б.А. Романова, А.В. Игнатьева).

Наибольшее внимания со стороны современных англо-американских исследователей удостоиваются следующие темы: влияние различных общественно-политических идей и конкретных политических фигур на дальневосточную политику России; причины, характер и последствия дальневосточной экспансии; построение взаимоотношений со странами Востока и Запада, который также имел свои интересы в регионе; экономическая и политическая обоснованность железнодорожного строительства; особенности процесса выработки и принятия решений относительно внешней политики на Дальнем Востоке; русско-японская война 1904–1905 гг. как апогей развития дальневосточной политики, ее значение и последствия.

Между тем, некоторые проблемы не получили комплексного изучения. К ним относятся вопросы идеологии внешней политики России накануне падения самодержавия, переговоры России и Японии во время войны 1904–1905 гг. и проблемы поиска выхода из нее, роль отдельных российских, японских, китайских и европейских сановников в процессе определения направлений развития международных отношений на Дальнем Востоке, опыт позитивного взаимодействия между Россией и странами Азии и Дальнего Востока. Однако изучение работ современных авторов способствует обогащению научных знаний по проблеме внешней политики России в дальневосточном регионе на рубеже XIX–XX вв., формированию более объективной и менее политизированной оценки событий того времени, позволяет наметить новые аспекты для дальнейшего изучения.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК):

1. Внешняя политика Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Общественные науки. 2012. № 27. С. 609–612 (0,25 п. л.).
2. Мирная конференция в Портсмуте и итоги русско-японской войны 1904–1905 гг.: современная англоязычная историография проблемы // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Общественные науки. 2012. № 27. С. 613–616 (0,25 п. л.).
3. Китайско-Восточная железная дорога как инструмент политики России на Дальнем Востоке в 1896–1905 гг. в современной англоязычной историографии // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. №1 (63). Вып.1. С. 175–178 (0,25 п. л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. Российско-китайские отношения накануне русско-японской войны // Национальная безопасность и государственные интересы России: Мат-лы III науч.-практич. конф. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. С. 15–19 (0,3 п. л.).
2. Внешняя политика России конца XIX в.: курс на стабилизацию // X Лебедевские чтения: Мат-лы докл. межвуз. науч.-практич. конф. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. С. 135–137 (0,2 п. л.).
3. Миссия Витте в Портсмут: субъективные причины успеха // Актуальные проблемы исторической науки: межвуз. сборник науч. трудов молодых ученых. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. Вып. 6. С. 151–155 (0,3 п. л.).
4. Русские концессии на р. Ялу как фактор обострения внешнеполитической обстановки на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны // XI Лебедевские чтения: Мат-лы докл. межвуз. науч.-практич. конф. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. С. 121–124 (0,25 п. л.).
5. Опасная победа российской дипломатии // Вестник военно-исторических исследований: Межд. сборник науч. трудов / Под ред. С.В. Белоусова. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. Вып. 2. С. 166–170 (0,3 п. л.).
6. Причины русско-японской войны в современной англоязычной историографии // История, экономика, культура: взгляд молодых исследователей: Межвуз. сб. науч. трудов аспирантов и молодых ученых / Под ред. Л.Н. Черновой. Саратов: Наука, 2011. С. 225–228 (0,25 п. л.).
7. Русско-японская война 1904–1905 гг. в работах Стивена Маркса // XII Лебедевские чтения: Мат-лы докл. межвуз. науч.-практич. конф. Пенза: ГУМНИЦ, 2011. С. 111–114 (0,25 п. л.).
8. Транссибирская магистраль как способ решения социально-экономических проблем Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы исторической науки: Сборник статей. Пенза: ГУМНИЦ, 2011. Вып. 8. С. 28–31 (0,25 п. л.).
9. С.Ю. Витте и экспансия России на Восток в современной англоязычной историографии // П.А. Столыпин: становление и реформирование российской государственности: Мат-лы докл. I Межд. (II Всерос.) науч.-практич. конф. Пенза: Пензенский государственный краеведческий музей, 2012. С. 253–258 (0,35 п. л.)
10. Концепции развития внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: современная англоязычная историографии проблемы // Актуальные проблемы гумани-

тарных и общественных наук: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. О. В. Ягова. Пенза: ГУМ-НИЦ ПГУ, 2013. Вып. 1. С. 33–38 (0,3 п. л.).